

Диалог поколений

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

Пять спектаклей, сыгранных в Москве Турецким театром имени Моллавереса, много рассказали о сегодняшних поисках в стремительных коллективах, рельефно и убедительно обрисовали его творческие принципы. В гастрольном репертуаре, который для ака-

демического театра мог показаться уж слишком небольшим, ясно чувствовалось желание коллектива представить московскому зрителю главное в своей творческой программе, сказать о ней определенно и лаконично.

Из пяти спектаклей гастрольной афиши Театра имени Моллавереса три поставлены по произведениям современных турецких авторов («Капля воды — крушина золотая», «Просто знакомый», «Чужой»), два других — классика: попытка сценического воплощения турецкого эпоса «Кер-оглы» («Хармавдаль») и «Укрошение строптивой» Шекспира. Скажу сразу, современная пьеса и классика — не две различные ипостаси творческих исканий, лица театра. Они тесно переплетены в главном: в центре внимания театра всегда — человек, мир его мыслей и чувств, прелесть его судьбы, сложности его взаимоотношений с миром окружающим, с настоящим и прошлым.

Жанр спектакля по роману Берди Кербабаева «Капля воды — крушина золотая» (реж. А. Алаов) можно определить как театральный очерк. Здесь много эскизно, о многом сказано бегло, стремительно смеяются друг друга небольшие эпизоды.

В лишенном постановочных эффектов спектакле, кажется, трудно рассмотреть собственно режиссера, активные пропалли его художественной фантазии и воли. Однако в таком подходе, в том, что именно режиссер как бы отступает на второй план, была определенная цель. Постановщик здесь всецело полагается на актеров, их индивидуальности. И, преодолевая эскизность инсценировки, актеры создают запоминающиеся человеческие характеры.

Сквозь стремительность событий, постоянную смену обстоятельств и лиц в спектакле отчетливо звучит непрекращающийся диалог старика Артика (М. Черкезов) и его сына Бабаля (Н. Аллабердиев). По ходу событий отец и сын встречаются только дважды, но обращения Бабаля в отцу постоянны: кажется, нет такой минуты спектакля, когда бы сын не слышал голос своего отца — героя войны, не сверял с его жизнью каждый час жизни своей. Н. Аллабердиев играет без тени сентиментальности и с искренней убежденностью, отчето весь этот почти лишенный слов диалог обретает смысл нравственного итога спектакля.

Непрерывающийся диалог поколений... Об этом в принципе в еще одном спектакле театра — «Просто знакомый» А. Агабаева (реж. Г. Сейдиев). Пьеса начинается событиями почти невероятными: слепая Воссал Медедова услышала в телевизионной передаче голос, удивительно напоминавший ей голос погибшего на войне сына. И зная этого человека из передачи Арча Медедова.

Наверное, никакими описаниями невозможно передать, как играет Воссал актриса Сабиратаева. Как играет она мать, иногда ни за секунду не желающую примириться с мыслью, что сына нет в живых. Как играет она заполняющую Воссал все эти долгие годы ожидания материнскую нежность. И состояние духовной близости с сыном, той поразительной близости, разрушить которую не под силу даже смерти. И, наконец, как показывает она отношение своей героини к миру, ее мудрую причастность ко всему, что случается на этой земле.

В точном и точном соответствии всему тону игры С. Агабаева и рисунку образа Арча Медедова — человека, решившего заменить Воссал погибшего сына. Сквозь деликатную и сдержанную актерскую манеру А. Курбан-дурдыев проступает всегущенная временем боль воспоминаний об ужасах концлагеря и войны. И неистощенная, несмотря на то, способность творить добро. И та же, как у Воссал, потребность постоянного ощущения причастности своей жизни к жизни других людей.

Текст пьесы А. Агабаева в значительной степени окрашен мелодраматизмом, да в основной колоннах сконструирована, мягко говоря, весьма условно. Но спектакль, вернее, его главные исполнители преодолевают это. Пунктиры авторских характеристик они заполняют пронзительной достоверностью эмоций, призывающей сюжеты обогатить психологически разработанными биографиями героев. В спектакле есть моменты подлинных потрясений.

И «Просто знакомый», и «Капля воды — крушина золотая» поставлены в декорациях (художники Х. Аллабердиев и Б. Кульмамедов), предельно лаконичных: практически пустая сцена и только некоторые детали. На подмостках все подчинено актеру, он — главное, остальное лишь слегка обозначено. Именно актер, приводя на сцену своего героя, привносит вместе с его биографией в судьбу ощущение окружающего мира, его реалий. И, кстати, этим качеством во многом можно объяснить единство общей картины творчества театра, в которую так естественно включены современные пьесы и пьесы классические.

«Укрошение строптивой» (реж. К. Аширова) — спектакль о любви. О любви, пробуждающей в преобразующей человека. И потому так возмущенно и чисто, с такой нарастающей силой звучат в нем музыка торжествующих чувств.

Первая встреча Катарини (Г. Аширова) и Петруччо (А. Бердиев) невольно вымывает в памяти сцену другой первой встречи — Ромео и Джульетты. Она исполнена такой же мгновенности осознания героями своих чувств, такой же невозможности сопротивляться им. Эта первая сцена энергично и сразу определила смысл спектакля: он совсем не об «укрошении», а о пленительной восторженной любви.

Любовная игра и озорное чувство возвращают здесь Петруччо молодость, лишают его апатия в жизненной усталости. В Катарине Петруччо обретает то, что, по всему видно, давно уже перестал искать, что не виделся найти: радость познания другого человека, неукротимую страсть во всем сравниться с любимым.

Словесные поединки развязываются стремительно. Они асымбируют словно только для того, чтобы снова и снова — в который раз! — в Катарине, в Петруччо увидели друг в друге отражения своих чувств. Кажется, все это может продолжаться до бесконечности: так неистово и так счастливо ведут герои эту игру. И она действительно какая-то торжествующая, увлекающая, подчиняющая себе.

Счастлив любви Катарини и Петруччо как бы озарены остальные персонажи спектакля. Множество слез в другого лица, да волнение здесь в немилый круговорот, здесь всем до всего есть дело и никому не занимать неселости в жизни.

Постановка К. Аширова покоряет своими ритмами, свергающим рисунком, но, в первую очередь как, впрочем, и другие спектакли театра, — исполнителем.

Г. Аширова и А. Бердиев — актеры обостренного чувства стали, их исполнение объединяет в себе, на первый взгляд, необходимое: интеллектуальную игру в игру страстей, при этом никогда полностью не переводя историю Катарини и Петруччо ни в тот, ни в другой план.

Тонко, изящно и легко играют М. Черкезов Багисту, К. Дурдыев — Гремю, О. Байрамов — Учителя, А. Ходжаева — Выху. В этом спектакле актерам доступны в буффонаде и пародия, стилизация и отчаянные трюки. Доступны актерам и палитра психологических средств, в свидетельстве этому то, что при всей эксцентричности проваленный персонажи комедии — совсем не маски, а живые люди.

В чем-то сродни текширской Катарине Хармавдаль (В. Кареева) — героиня эпоса «Кер-оглы». В ней та же человеческая одаренность в таком же стремлении к любви — любви к человеку равному. И такая же увлеченность своей мечтой.

Только спектакль этот (реж. А. Алаов) мало чем напоминает «Укрошение строптивой». В нем избрана совсем иной принцип. Спектакль строится как серия сменяющих друг друга вальсов в роскошном издании эпоса. Красочно и затейливо привлекательны костюмы, эффектные детали с мотавыми наивными элементами обрамляют действие. Много музыки, много пения. Но, в сожаление, лишь в немногих сценах рождается атмосфера подлинности происходящего, когда кажется, что герои словно отделились от листа вальсов, выступают из него и приближаются к зрителю, убеждая в своей реальности, человеческой неповторимости. Как ни странно, это те эпизоды, когда Хармавдаль и Кер-оглы (Н. Аллабердиев) поют. Тогда случается именно то, что случается в искусстве всегда: рассеивается туман веков, и люди, жившие в далекие времена, оказываются поразительно знакомыми, говорят с нами на таком понятном языке вечных человеческих чувств.

...Гастрольный репертуар, естественно, отражает лишь часть действующего репертуара театра. Не всегда можно составить верное представление о коллективе, ознакомившись с ним во время гастролей. Но, возвращаясь к сказанному иначе, повторю: московская афиша Театра имени Моллавереса оказалась очень продуктивной. На мой взгляд, и ней не было случайных спектаклей, каждый из них говорил о чем-то для театра важном. Все разные, они все открыли лицо театра. Живое, естественное, неповторимое.

Георгий КОВАЛЕНКО.

19.08.1984

ПРАВДА
Г. Москва